

Суровый гнев Цзя Чжэна и жестокое наказание младшего сына (Часть первая)

Когда они втроем вошли в комнату, господин Шао полулежал на кане, накинув на плечи теплое одеяние, и листал «Трактат Шэнь-нуна о корнях и травах». Су Цзэцзинь привычно устроился рядом с ним, а Цзя Чжу сперва почтительно поклонился учителю и лишь затем спросил:

— До нас дошли слухи, учитель, что вы нездоровы. Как вы себя чувствуете теперь? Хотя и говорят, что лекарь себя не лечит, вам все же стоит поберечь силы. Иначе не мы одни станем тревожиться о вашем здоровье...

Шао Инлинь добродушно улыбнулся:

— Пустяки. Вчера ночью меня слегка продуло, вот сегодня и разморило от слабости.

Он перевел взгляд на того, кто робко жался за спиной Цзя Чжу, и спросил:

— Это и есть твой младший брат?

Цзя Чжу поспешил подтолкнуть Баоюя вперед, велел ему поклониться наставнику, и подтвердил:

— Да, это Баоюй.

Жестом пригласив мальчика сесть, Шао Инлинь обратился к Цзя Чжу:

— Юй-эр сегодня опять написал стихи и закончил картину, теперь во весь голос требует ценителя. Ступай-ка к нему, Чжу-эр, посмотри, что он там сотворил. А брата своего оставь со мной, позже я велю слугам проводить его.

Понимая, что господин Шао намерен поговорить с мальчиком с глазу на глаз, Цзя Чжу с улыбкой возразил:

— Учитель, только не вздумайте в мое отсутствие слишком строго судить моего брата. Он еще совсем дитя, правил приличия толком не знает. Если сболтнет глупость или скажет что-то не к месту — не взыщите, проявите снисходительность.

С этими словами он откланялся и направился во внутренний двор, в библиотеку, разыскивать Линь Сююя.

Оставшись наедине с Баоюем, Шао Инлинь завел праздный, ни к чему не обязывающий разговор о повседневных вещах.

— Приходилось ли тебе прежде учиться, мой мальчик? — мягко спросил он.

— Нет, учитель, в школу я еще не ходил, — послушно ответил Баоюй.

— А со старшим братом уроков не брал?

— Старший брат по горло занят подготовкой к экзаменам, у него совсем нет времени. Я читал только с сестрой.

— И какие же книги вы с ней разбирали?

— «Троесловие», «Сто фамилий», «Тысячесловие», «Стихи тысячи поэтов» да еще «Начальные познания для юношества».

Шао Инлинь усмехнулся:

— Твоя почтенная сестра усердно занималась с тобой. Раз в столь нежном возрасте ты уже знаешь столько иероглифов, значит, природа не обделила тебя умом и способностями. Отец и старший брат привели тебя ко мне ради того, чтобы ты приобщился к учению мудрецов. Скажи, у тебя самого есть желание учиться?

Баоюй, замявшись, неуверенно вымолвил:

— Да... ученик готов учиться.

Слова прозвучали покорно, однако господин Шао отчетливо заметил мимолетную неохоту в глазах мальчика.

— Коли прежде ты охотно перенимал знания от сестры, отчего же теперь, когда у твоего брата появилось свободное время, ты не хочешь заниматься с ним? — проницательно спросил он. — Твой брат постигал науки под моим началом, преуспел на экзаменах и накопил обширные познания. Почему бы тебе не пойти по его стопам?

— Старший брат изучает то, что нужно для чиновничьей службы, — пробормотал Баоюй, пряча взгляд. — А занятия с сестрой помогают развивать ум и постигать добродетель. Это совсем не то, что сухие рассуждения о карьере и выгоде...

Услышав подобные речи от столь юного создания, господин Шао неподдельно изумился:

— Если не ради государственной службы и пользы отечеству, для чего же тогда, по-твоему, нужно читать книги?

— Ежели ради того, чтобы познавать истину, разбираться в письменах да постигать суть вещей, я бы учился с радостью, — ответил Баоюй. — И еще для того, чтобы слагать стихи, писать оды, любоваться цветами да воспевать луну... Такое учение мне по душе.

— Поэзия и оды — дело хорошее, — кивнул Шао Инлинь. — Ну а как насчет экзаменационных сочинений, рассуждений о государственном управлении, составления императорских указов и докладов престолу? К этому у тебя душа лежит?

Баоюй понурил голову и промолчал.

— А задумывался ли ты, — продолжил расспросы господин Шао, — ради чего твои почтенные родители так стремятся дать тебе образование?

Баоюй недовольно надул губы:

— Да только ради того, чтобы я сдал эти государственные экзамены.

— И что же следует за успешной сдачей?

— Чтобы потом попасть во дворец и стать...

Баоюй вовремя осекся. Готовые сорваться с языка слова «казнокрад и прихлебатель» он с трудом проглотил, не осмелившись выказывать подобную дерзость перед почтенным наставником.

Видя перед собой ребенка, который не имел ни малейшего представления о собственном будущем, чья душа была чистым листом, а важность экзаменов казалась пустой обузой, господин Шао нахмурился:

— Известно ли тебе, что твой брат Чжу и молодой господин Линь, будучи в твоих летах, уже твердо знали, зачем учатся? Они метили высоко и прямо говорили мне, что государственные испытания для них — это «путь к признанию» и «возможность прославить свое имя». Твой брат Чжу понимал, что возрождение былого величия вашей семьи возможно лишь на чиновничьем поприще, а Сююй, верный традициям своего ученого рода, жаждал уподобиться древним мудрецам: оставить след в истории своими трудами и деяниями! Все эти годы они учились на моих глазах. И пусть они не истязали себя голодом и сном, как книжники былых времен, но трудились изо дня в день не покладая рук. Лишь благодаря этому упорству они сумели сдать экзамены в столь молодые годы! А что же ты? Думал ли ты хоть раз о том, чего хочешь достичь

в жизни?

Баоюй отлично знал, чего хочет, но разве мог он высказать подобные мысли вслух? Ему оставалось лишь молча разглядывать носки своих туфель.

— Или ты полагаешь, — сурово продолжал Шао Инлинь, — что раз тебе посчастливилось родиться в знатном доме, заслуг и богатств твоих предков хватит на всю твою безбедную жизнь? Неужели ты думаешь, будто наследие отцов не имеет конца и никогда не иссякнет?!

Баоюй не нашелся с ответом.

— Если потомки благородных мужей лишены честолюбия и разума, если они умеют лишь проматывать нажитое да нежиться в роскоши, то на чье спасение вы уповаете, когда придет неминуемый крах?!

Голос Шао Инлиня звенел от негодования. Он распалялся все сильнее, и лишь когда Су Цзэцзинь мягко накрыл его ладони своими, безмолвно призывая успокоиться, пожилой наставник перевел дыхание и понемногу утих.

Глядя на мальчика, который безмолвно сносил упреки, втянув голову в плечи, господин Шао понял, что все его увещания — не более чем метание бисера перед свиньями. Он не обольщался надеждой переделать этого упрямца, а потому, уняв волнение, заговорил ровным и холодным тоном:

— В последнее время я чувствую, что силы покидают меня. Года берут свое, старость не щадит никого, и теперь я мало на что годен. Единственное мое желание — провести остаток дней в покое. Наставлять юношей мне более не под силу. К тому же я вижу, что твоя душа совсем не лежит к учению и экзаменам. Ты уродился иным. Простите мою немощь, но я ничем не могу тебе помочь. Передай своему почтенному родителю, пусть поищет для тебя другого учителя, более искусного.

С этими словами он позвал Шао Цзюня и велел ему проводить Баоюя к Цзя Чжэну, чтобы тот слово в слово передал отцу отказ наставника.

Услышав это, Баоюй понял, что господин Шао наотрез отказался брать его в ученики. Разумеется, он понятия не имел, как теперь показываться на глаза разгневанному отцу, однако в глубине души ликовал: все устроилось именно так, как он желал, избавив его от ненавистой зубрежки. Не чувствуя ни малейшего сожаления, он отвесил наставникам низкий поклон и поспешил удалиться. И у самых дверей, когда он вежливо склонил голову на прощание, он слегка торжествующе улыбнулся.